УДК 340

СОСТОЯНИЕ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ ДАГЕСТАНА В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВВ., ИХ ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ВОЕННО-СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Егорова В.П., Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, Российская Федерация, *tmph81@mail.ru*

В статье детально анализируется содержание десятка работ российских ученых XVIII–первой трети XIX вв., посетивших Дагестан и опубликовавших материал о его лесных угодьях. Они дали им развернутую характеристику, дифференцировав леса на деловой, дровяной и строевой. На этой базе в статье характеризуются роль и содержание народных адатов, юридически защищавших лес и его продукцию в различных сельских обществах Дагестана. Последний раздел статьи посвящен событиям, связанным с Кавказской войной, оказавшей пагубное влияние на природные ресурсы Дагестана.

Ключевые слова: Дагестан, лесные угодья, обычное право горцев, лесная продукция, Положение-повеление Шамиля.

DOI: 10.21779/2224-0241-2020-36-4-26-29

UDC 340

STATE OF NATURAL RESOURCES OF DAGESTAN IN THE XVIII-FIRST HALF OF THE XIX CENTURIES, THEIR LEGAL STATUS AND MILITARY-STRATEGIC SIGNIFICANCE

Egorova V.P., Dagestan State University, Makhachkala, Russian Federation, *tmph81@mail.ru*

The article analyzes in detail the content of a dozen works of Russian scientists of the 18th - first third of the 19th centuries who visited Dagestan and published material about its forest lands. They gave them a detailed description, differentiating forests into business, wood and drill. On this basis, the article characterizes the role and content of the people's adats, who legally protected the forest and its products in various rural communities of Dagestan. The last section of the article is devoted to the events associated with the Caucasian War, which had a detrimental effect on the natural resources of Dagestan.

Key words: Dagestan, forest lands, customary law of mountaineers, forest products, Shamil's regulation.

DOI: 10.21779/2224-0241-2020-36-4-26-29

Поход Петра I в Дагестан в 1722 г. вызвал к региону неподдельный интерес со стороны российских ученых. В XVIII в. они неоднократно посещали его и фиксировали свои впечатления об увиденном. В своих материалах приезжавшие сюда исследователи, прежде всего, уделяли внимание изучению его природных ресурсов, игравших большую роль в повседневной жизни дагестанцев. В этих «ресурсах» они отмечали отсутствие или наличие лесов в Дагестане и их качество.

В этой связи приведем материал, характеризующий, по мнению ученых XVIII – первой трети XIX в., состояние дагестанских лесов в то время.

А.И. Лопухин еще в 1718 г., говоря об уцмие Кайтагском, писал, что он жил в «деревне у самых гор» и все его владения были «поселены в лесу» [4, с. 31]. В «Известиях о Тарках» отмечалось, что в них было лесов поблизости «не довольно», что они «находились в горах верстах в 10» [4, с. 44].

И.Г. Гербер, описывая в 1728 г. страны и народы, жившие «вдоль западного берега Каспий-

ского моря», особо отметил уезд Андрей, который «состоял из одной великой деревни», построенной «между горами и густыми лесами» [4, с. 69].

Д.Ф. Еропкин, составивший в 1732 г. «Рестр горским владельцам», охарактеризовал их сёла с точки зрения наличия в них лесов. Среди тех, где они отсутствовали, были названы сёла Поремейт, Кумторкала, Карана, Нижнее Эрпели, Капчига. В другой группе сёл, располагавшихся «между гор», «под горами» и «в горах», лесу было много или «довольно». К ней он отнес Верхнее Эрпели, Медигин, Кимру, Унцукуль, Чиркей, Какашуру, Верхнее Казанище [4, с. 122].

В другой группе авторов, писавших о природных запасах Дагестана XVIII в., были участники Персидского похода 1796 г. Так, Д.И. Тихонов в этот же год составил «Описание Северного Дагестана», в котором указал на связь наличия лесов с реками. В нем он писал, что у истоков реки Большой Баум по обоим ее берегам был строевой и дровяной лес. По его словам, «довольно годный к

строению лес» находился и по берегам реки Малый Баум [4, с. 128].

В том же году Ф.Х. Симонович в «Описании Южного Дагестана» сообщал, что «полоса земной поверхности, лежавшая вдоль Черных гор, была покрыта дремучим лесом» [4, с. 139]. В специальной рубрике «Лес» он сообщал, что лес там «простирался через всю долину», а, частично, «по берегам рек в горный Дагестан», «продолжаясь по морскому берегу от реки Рубаса до Бельбели». Автор подметил, что «концы» этого леса, подходя к яйлагам, становились дремучим и почти непроходимым дубовым лесом. Густой дубовый деловой лес «простирался по морскому берегу» от Самура до Кусар-чая. «Знатнейший лес» рос в Табасаране по рекам Бенту и Карасирту [4, с. 142].

После Персидского похода 1796 г. Россия активизирует знакомство с территорией Дагестана, которую ей предстояло освоить. Этому способствовали топографические экспедиции, которые для российского военного командования представляли составленные ими сведения, касавшиеся, прежде всего, географического положения и растительного мира Дагестана.

В этой связи А.И. Ахвердов в «Описании» 1804 г. особо выделил «деревни» Андреевскую, Аксаевскую и Костиковскую, из которых в Кизляр вывозили на продажу дрова, колья для садов и строевой лес. В этом, по его словам, состояла «настоящая прибыль» жителей этих сёл [4, с. 213]. В сел. Башлы («владения каракайдацкого») среди фруктовых деревьев, приносящих «главный доход» башлынкам, автор назвал и ореховые [4, с. 217].

В устье Самура Ахвердов зафиксировал наличие дубовых дремучих лесов. Характеризуя их, он выразил уверенность, что эти дубы вполне пригодились бы и для «корабельного строения». Говоря о том, что там «в большом изобилии» и «равномерно» растут и другие породы деревьев, автор удивлялся, что лес этот «никем не рубится», что для своих надобностей местные жители рубят только «деревья среднего возраста» [4, с. 220].

Ф.П. Скалон в «Сведениях об Аварском ханстве 1829 г.» констатировал, что лесу там было мало, и находился он «на высочайших горах» [4, с. 277].

А.П. Щербачев приблизительно в 1830 г. составил «Описание» Мехтулинского и Аварского ханств, Койсубулинских владений. В нем он сообщал, что на их территории было немного лиственного леса. Строевой же лес они получали сплавом по реке Койсу. На кряже Черных гор лес встречался редко, исключением было лишь Аймакинское ущелье [4, с. 294].

В 1831 г. М.К. Ковалевский и И.Ф. Бларамберг сообщали, что в Табасаранском округе «земля гористая и изобилует хорошим лесом» [4, с. 311]. Их дополнил П.Ф. Колоколов, отметивший, что там ореховые деревья росли «в изобилии» [4, с. 314].

Полковник Ф.И. Гене в 1833 г. проводил в Дагестане военно-топографические работы, в ходе которых «впервые обследовал ряд его местностей». Он бывал в Дагестане и в последующие два года. Его материалы опубликованы в 1835–1836 гг. В них дано описание берегов рек Казикумухское Койсу, Самур, Кара-Койсу, Андийское Койсу и др., приведены краткие сведения об их растительном мире [4, с. 338]. В конце он сделал вывод о том, что Дагестан на равнине «внизу (ближе к морю) богат лесами», «а выше не имеет уже никаких кустарников, не только деревьев». Среди росших в лесах пород деревьев он назвал «только орешник», «изредка липняк и чинар», особо выделив грецкий орех [4, с. 344].

Собранный специалистами XVIII – первой трети XIX в. материал о лесном потенциале Дагестана представлял в то время большую ценность. В нем конкретно указаны места, где лес присутствовал или отсутствовал, где он был густой, «дремучий», «непроходимый», «знатнейший» и где его было «немного» или совсем не было. Среди древесных пород особого их внимания удостоились «дубовые леса» и «ореховые деревья». Заслуга авторов анализируемых материалов состоит и в том, что они дифференцировали дагестанские леса на деловой, дровяной и строевой лес.

Выявленные российскими учеными XVIII – первой трети XIX в. лесные угодья Дагестана, как и прочие, нуждались в юридической защите, что нашло отражение в народных адатах.

Обычное право дагестанцев, представленное адатами – «неписаными правилами», по которым «с незапамятных времен» жили народы Кавказа, в рассматриваемое нами время традиционно стояло на защите лесных угодий Дагестана. Об этом свидетельствует содержание адатов, которые юридически защищали леса от порубок. Так, по адатам Ухнавальского наибства Бежтинского округа за срубленное плодовое дерево полагался штраф в 3 овцы, а за ореховое дерево взыскивалась корова [1, с. 216].

В следующих четырех наибствах Андийского округа действовали иные расценки. В Хваршинском обществе Тиндальского наибства за срубленное нефруктовое дерево полагался штраф в 25 коп. [1, с. 234]. В Технуцальском наибстве виновный в срубке дерева должен был хозяину возратить такое же или уплатить его стоимость [1, с. 241]. В Каратинском наибстве за вырубку в частном лесу дерева его хозяину платилась стоимость дерева и штраф в 1 руб. в пользу сельского общества [1, с. 255]. В Андийском наибстве вырубка дерева разбиралась как кража, за которую виновный платил стоимость дерева и возвращал его [1, с. 276].

По адатам келебских селений Гунибского округа с тех, кто брал «сухие или сырые дрова из охраняемого леса», взыскивался штраф в две овцы [8, с. 76]. Еще бо́льший штраф взимался с тех, кто

«из стен чужого дома» брал и выносил лесоматериал [8, с. 79].

В Цекубском сельском обществе взятие сырых дров из запретных зон наказывалось штрафом в одну овцу. У цекубцев и тланубцев за каждое срубленное в их сельском обществе дерево виновный отвечал перед хозяином земли очистительной присягой или платил владельцу стоимость дерева [8, с. 101].

У харбухцев были свои «Правила лесопользования», по которым нельзя было ходить в лес за дровами «после зазеленения леса». У них в общественном лесу специально был выделен участок для похорон, куда нельзя было ходить «без разрешения старшин села» [9, с. 287].

Исследователь В.А. Бобровников, посетивший дагестанские селения Бацада, Рутул, Тлондода, Хуштода и др., обнаружил в них старинные адатные записи о штрафах, вносившихся в общинную кассу за различные преступления. В них, например, «за любые нарушения единого севооборота» взимались 1–5 руб., выжигание собственного сада оценивалось в 25 коп., вырубка общинных и частных рощ – до 15 руб., захват под строительство части угодий, «хотя бы размером в ладонь – по 50 коп. за меру поля» [2, с. 192]. Из перечня этих форм и размеров штрафов видно, что самым высоким он был за вырубку лесного участка.

В селении Цудахар «дрова из общественно-го леса в местности Хирубух позволялось брать только с разрешения администрации» и использовать их исключительно для нужд примечетской школы, а также «для того, чтобы разогреть смёрзшуюся землю» при рытье могилы зимой.

В селах Мишлеш, Саситли, Сюгут, Хуштода взимался штраф в 15–20 руб. за продажу в соседние общества необработанной древесины и хвороста, а также за сделанные из них постройки. С того, кто брал или получал «что-либо из запретной рощи, все равно – бревно или обтесанный ствол, хотя бы один», взималось 25 коп. и виновный заключался в тюрьму на 3 дня. Те, кто пережигал дрова на уголь, тоже наказывались. С того, «кто продавал дрова из рощи за пределы своего села», взимался 1 руб. и его заключали в тюрьму на 3 дня и ночи [2, с. 195].

Из-за подобных нарушений обычаев, направленных на охрану лесов, между сельскими обществами иногда возникали конфликты, заканчивавшиеся физической расправой.

В Самурском округе, в который входило 3 наибства и 39 сельских обществ, были зафиксированы «адаты по поджогам». В них были перечислены такие объекты преступления, как мечети, дома, саманники, сено, а также вырубка дерева в «чужом саду». В соответствии с адатом поджигатель должен был заплатить убытки хозяевам сгоревшей собственности. «В прежние времена» на него налагалось большое штрафование, даже нередко разорялся дом преступника [1, с. 367].

Российские имперские власти после присоединения Дагестана к России, как считали ученые, хотя и сохраняли обычное право, зачастую ограничивали его нормы. В перспективе они намеревались здесь «со временем полностью» вытеснить их и «перейти к решению всех дел на основании общил законов России» [7, с. 176]. Эта тенденция проявилась в рассматриваемое время, связанное с Кавказской войной, когда царские войска нанесли лесным угодьям Дагестана невосполнимый урон.

Дело в том, что в Дагестане они встретились с высокогорными массивами, зачастую покрытыми дремучим лесом. Для российской армии того времени это было большое препятствие, которое ею преодолевалось путем прорубки просек, являвшихся своеобразным основанием для прокладки дорог, по которым оно передвигалось. Поэтому в ходе войны вырубка лесов и просек широко практиковалась российским командованием в различных районах Дагестана.

Так, в 1832 г. полковник Клюке фон Ключенау во время разведки у сел. Эрпели, где он хотел закрепиться, отметив все природные выгоды его расположения, приказал вырубить весь лес у Гошоша [3, с. 107].

С 1845 г. началось наступление российских войск против горцев Дагестана «со всех сторон». При этом они «уничтожали леса, разрушали села, прокладывали в горах дороги». В конце 40-х гг. XIX в. ими возводилась линия укреплений – Имеретинское, Аймахское, Хаджал-Махинское, форт Цудахар, для которых тоже рубились просеки [6, с. 256].

«Сухарная экспедиция» 1845 г. С.М. Воронцова, закончившаяся провалом, заставила кавказское командование «перейти к систематическим действиям», среди которых предусматривалась, прежде всего, рубка просек, создававших условия для строительства и «опорных пунктов» [6, с. 294].

Осенью 1847 г. в своем «отношении» военному министру Чернышеву Воронцов писал, что для обороны Лезгинской линии необходимо было «прорубить в некоторых местах просеки», а саму линию перенести «на места возвышенные и менее лесистые» [3, с. 553].

Зимой 1856–1857 гг. в Южном Дагестане рубилась просека и прокладывалась дорога «от Новых Закатал до Сабуи и вдоль Лезгинской кордонной линии по южным отрогам Кавказского хребта». Это позволило генералу Вревскому и полковнику Шаликову в июле 1857 г. подготовиться к «вторжению в Дидойское общество». 11 июля их отряды стали рубить просеку к его центру – Хупро [5, с. 317].

16–23 июня 1857 г. происходили события в Салатавии, где действовал отряд, состоявший из представителей разных родов войск. Именно он «с первого дня прибытия сюда», как отмечалось в «Журнале военных происшествий в Прикаспийском крае», занялся «трудной работой», к которой

были причислены «разработка... дороги через Теренгульский овраг», «рубка просек», «заготовка местных лесных материалов» для укрепления. Чтобы выполнить эти работы, ежедневно использовалось «до 2000 рабочих из нижних чинов» [5, с. 454].

Осенью 1857 г., когда в Салатавии шли жестокие бои, отряд Г.Д. Орбелиани тоже стал рубить просеку и пролагать дорогу к Дылыму, который 13 ноября был занят и «истреблен со всеми окрестными деревьями» [5, с. 317].

Здесь следует также отметить, что имам Шамиль даже в условиях военного времени строго следил за охраной лесных массивов на подвластной ему территории. В его «Положении-повелении» наибам, составленном не позднее 1853 г., среди

восьми названных им «повелений» на второе место он поставил обязанность каждого из наибов, «чтобы они грозно увещевали тех, кто следует за ними в отношении рубки леса» [1, с. 163]. Составители «Памятников права народов Дагестана» считают, что это «повеление» касалось тех горцев, которые и во время войны «неспешно истребляли» лес с целью его продажи [1, с. 163].

Говоря о пагубном влиянии на дагестанские леса военных действий, следует отметить, что горцы, защищаясь, тоже широко использовали лесную продукцию (бревна, доски, хворост и пр.) для создания своих оборонительных сооружений, которые с трудом «удавалось» брать российским войскам.

Литература

1. Антология памятников права народов Северного Кавказа. Т. 2. Памятники права народов Дагестана. М.: Проспект, 2011. 440 с.
2. Бобровников В.О. Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие // Очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана. М.: Вост. лит., 2002. 368 с.
3. Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50 гг. XIX в.: сб. док. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1959. 784 с.
4. История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. Архивные материалы. М., 1958. 369 с.
5. Кавказская война: народно-освободительная борьба горцев Северного Кавказа в 20–60-х гг. XIX в. Махачкала: Изд-во «Юпитер», 2006. 520 с.
6. Магомедов Р.М. История Дагестана: очерки и документы // Избранные труды: в 6 т. Т. II. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 2004. 432 с.
7. Омаров М.С. Изменение в праве и суде после присоединения Дагестана к России // Уч. зап. ИИЯЛ Даг ФАН СССР. Т. XX. Сер. общ. Махачкала, 1970.
8. Памятники обычного права Дагестана. XVIII–XIX вв. Архивные материалы / сост. Х.-М. Хашаев. М.: Изд-во «Наука», 1965. 279 с.
9. Юсупов Х.А., Муталимов М.А. Харбукцы: история и культура. Махачкала: Изд-во «Юпитер», 1997. 597 с.

References

1. Antologiya pamyatnikov prava narodov Severnogo Kavkaza. T. 2. Pamyatniki prava narodov Dagestana. M.: Prospekt, 2011. 440 s.
2. Bobrovnikov V.O. Musul'mane Severnogo Kavkaza: obychai, pravo, nasilie // Ocherki po istorii i etnografii prava Nagornogo Dagestana. M.: Vost. lit., 2002. 368 s.
3. Dvizhenie gortsev Severo-Vostochnogo Kavkaza v 20–50 gg. XIX v.: sb. dok. Makhachkala: Dag. kn. izd-vo, 1959. 784 s.
4. Istoriya, geografiya i etnografiya Dagestana XVIII–XIX vv. Arkhivnye materialy. M., 1958. 369 s.
5. Kavkazskaya voina: narodno-osvoboditel'naya bor'ba gortsev Severnogo Kavkaza v 20–60-kh gg. XIX v. Makhachkala: Izd-vo «Yupiter», 2006. 520 s.
6. Magomedov R.M. Istoriya Dagestana: ocherki i dokumenty // Izbrannye trudy: v 6 t. T. II. Makhachkala: Dag. kn. izd-vo, 2004. 432 s.
7. Omarov M.S. Izmenenie v prave i sude posle prisoedineniya Dagestana k Rossii // Uch. zap. IYYaL Dag FAN SSSR. T. XX. Ser. obshch. Makhachkala, 1970.
8. Pamyatniki obychnogo prava Dagestana. XVIII–XIX vv. Arkhivnye materialy / sost. Kh.-M. Khashaev. M.: Izd-vo «Nauka», 1965. 279 s.
9. Yusupov Kh.A., Mutalimov M.A. Kharbuktsy: istoriya i kul'tura. Makhachkala: Izd-vo «Yupiter», 1997. 597 s.

Поступила в редакцию 25 ноября 2020 г.
Received 25 November, 2020